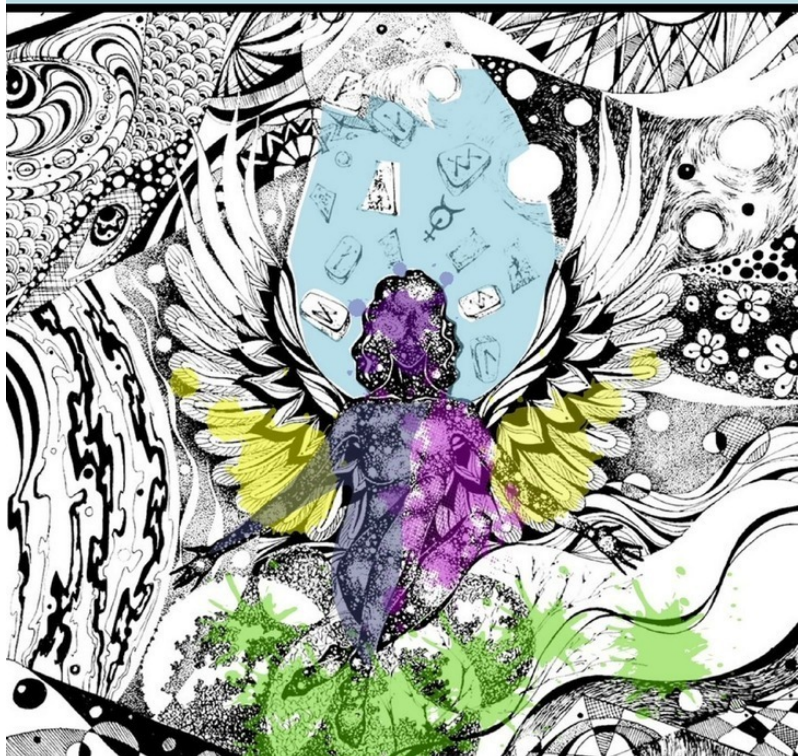

НАТАША ЧЕРНООКОВА

Когда выбираешь свободу

Наташа Черноокова

Когда выбираешь свободу

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63470621
ISBN 9785005189301*

Аннотация

Какова сила проклятий? А сила человеческих отношений? Мы общаемся, строим свою жизнь, жизнь детей, внуков. И часто камень деструктивных эмоций, брошенный нам близким человеком, мы несём по жизни и передаём по наследству, лишая тем самым себя и своих наследников свободы быть счастливым. Можно ли изменить прошлое, наладив отношения с близкими в настоящем? Герои романа не используют магию для того, чтобы запустить цепь счастливых событий в глубь прошлого своего рода и обрести душевную свободу.

Содержание

Мои благодарности	5
1	8
2	26
3	36
4	44
5	59
6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Когда выбираешь свободу

Наташа Черноокова

Иллюстратор Наталья Черноокова

Дизайнер обложки Наталья Черноокова

Корректор Олеся Сергеевна Потапчук

© Наташа Черноокова, 2020

© Наталья Черноокова, иллюстрации, 2020

© Наталья Черноокова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-8930-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мои благодарности

Я от всего сердца благодарю своих родителей Юрия и Людмилу. Они мои самые главные, любящие и любимые учителя. Именно через них ко мне пришли очень значимые для меня люди, которые помогли и помогают мне постигать эту жизнь, получать нужные уроки и знания. Именно через них мне приходят самые нужные и важные для меня мысли и осознания.

Я благодарю своего мужа Виктора и сыновей Илью и Никиту за поддержку и понимание. Они – моя сила и вдохновение. Они – моя жизнь и продолжение. Они дарят мне самое ценное – возможность заниматься тем, что я люблю и без чего не представляю свою жизнь полноценной.

Искренне благодарю свою двоюродную сестру Юлию! Она, словно неутомимый ветер, не даёт провиснуть парусам моего вдохновения, раздувая их для моих новых открытий и свершений. Она – мой мотиватор и... сообщник!

Я благодарю своих любимых, дорогих для меня близких друзей, которые уже много-много лет принимают и любят меня за то, что я такая. Это невероятный их талант и величайшая ценность для меня!

Я благодарю свою команду мастермайнд (Виолетту, Лауру, Александру, Куаныш, Мишу, Динару, Яну) за поддержку, конструктивную критику, помощь и заряд вдохновения

в период моей работы над этим романом. В нём частичка и их позитивной энергии!

Я бесконечно благодарю свой сильный и мощный род! Ведь именно благодаря своим предкам я такая, какая я есть. И именно благодаря им, я могу чувствовать опору под ногами и силу своих корней, которые дают мне уверенность в своём будущем на много-много поколений вперёд.

Я благодарю Вселенную за уникальную и бесценную возможность жить и творить в этом прекрасном мире!

И я благодарю каждого читателя, в руках которого сейчас эта книга, за доверие и отклик!

Всем любви и счастья!

Искренне ваша Наташа Черноокова.

«...Ты будешь свободен. Свобода – есть счастье!
И без компромиссов Любовь выбирай.

Ты честен и чист. Будет Суд беспристрастный Лишь
благословеньем. И это – твой Рай.»

(отрывок из стихотворения Н. Чернооковой)

Аня боялась ходить в этот лес.

Густой и тёмный, он вселял в неё какой-то животный ужас, от которого становилось зябко и неудобно. Даже в самый солнечный и жаркий день лес хранил в себе сумерки и прохладу. Густая крона деревьев смыкалась высоко над головой, монотонно и глухо шумела о чём-то своём, неизвестном простому смертному, будто затевался заговор против всякого сюда сунувшегося. Были, конечно, и весёленькие островки в лесу, где деревья росли пореже и солнца на них было побольше. В сезон здесь всё щедро было усеяно ягодами. Даже казалось, что птиц было слышно только если находишься на этих островках. Но всё-таки в целом в душе Ани лес представлял в мрачном свете. Не спасали впечатление даже эти солнечные ягодные полянки. Всякий раз девушка отгоняла от себя мрачные мысли, стараясь глубоко вдыхать многообразие лесных запахов, и всякий раз вздрагивала от малейшего неясного шума. Поэтому обычно, когда нужно было пойти по грибы или ягоды, Аня старалась не делать этого одна, а брать с собой подружек. Это веселее и совсем не страшно, когда за разговорами да за песнями пополняются корзинки.

Но не сегодня. Сегодня Аня забежала к одной подружке, потом ко второй, но ни одна ни другая не смогли составить

ей компанию. Обречённо вздохнув и внутренне сжавшись, Аня побрела в сторону леса. Извилистая просёлочная дорога весело бежала меж высокой, напоенной летними тёплыми ливнями травы, уводя девочку от их маленькой деревеньки к стене тёмного дремучего леса. Аня не торопилась. Она решила, что пройдётся только вдоль кромки леса. Грибов сейчас и так навалом, так что набрать две корзинки, не углубляясь в лес, представлялось ей вполне реальным.

Впереди на дороге замаячила фигура и, подойдя поближе, Аня узнала в ней соседского парня Митю, с которым они дружили с детских лет. Высокий и чернобровый Митя нравился девушкам, но только Анины чувства к нему были взаимны. Поэтому когда Аня в приближающейся фигуре разглядела Митю, то очень обрадовалась. Она засмеялась и побежала ему навстречу, весело махая свободной рукой. Митя, белозубо улыбаясь, подхватил Аню и обнял.

– Чего одна? – спросил он.

– Ну вот, – разведя руками в стороны, ответила Аня. – Одна! Девчонки все занятые. А ты? Небось, тоже занят, да?

Аня лукаво прищурила глаза и пристально посмотрела на Митю. Митя опустил девушку на землю, шутливо состряпал кислую мину и протянул:

– Ну... В общем-то... да... Полдня у тетки был, родители заждались. Так что...

С удовлетворением отметив, что игривое выражение лица подруги медленно сползло, сменившись на грусть-печаль,

Митя рассмеялся.

– Да ладно тебе грустить! Пойдём. Поброжу с тобой. Может, и себе немножко насобираю. В мешке место есть.

Митя дернул плечом, на котором висел заплечный мешок. Аня радостно взвизгнула и, подпрыгнув, чмокнула Митю в щёку. Митя улыбнулся и взял у Ани корзинки, вставленные одна в другую. По дороге к лесу он рассказал, чем занимался у тётки, которая жила в соседнем посёлке. Тётка была уже престарелой и одинокой. Не всегда справлялась по хозяйству, часто болела. А Митя – парень работающий, внимательный и сердобольный, и родителям подмога, и про тётку не забывал. Раза три в неделю ходил к ней помочь по хозяйству, с чем та не справлялась одна. А тётка ему с собой гостинцы передавала: то соленья-варенья, то пирожков, то куриных яиц завернёт. Митя каждый раз отказывался, но тётка всегда была непреклонна, и племянник уходил с гостинцами.

Митя снял с плеча мешок, порылся в нём, зашуршал и достал пирожок.

– Держи, – сказал Митя, протянув Ане угощение.

– А с чем?

Аня взяла в руку ещё теплый пирожок и понюхала. Он пах печкой и дымом.

– Вроде с яблоками, – ответил Митя, с улыбкой глядя на то, с каким удовольствием Аня впиалась зубами в румяную выпечку. – У тетки яблоня старая растёт возле дома. И яблоки сладкие-сладкие! На вот, ещё возьми.

Митя достал из мешка небольшое в оранжево-жёлто-красную полоску яблоко.

– М-м-м! – восторженно промычала жующая Аня и сунула яблоко в карман платья. – Спасибо! Это про запас. Подкармливаешь? Хочешь, чтобы я была толстая?

Аня рассмеялась. Митя искоса глянул на неё.

– Ты не будешь толстой. А даже если и будешь, то всё равно останешься красивой.

– А я красивая? Да? – скорее шутливо, чем на полном серьёзе спросила Аня. Она знала ответ и знала, что красивая.

Все говорили, что Аня – копия своей матери. Такая же большеглазая и улыбчивая. С таким же непокорным и боевым характером. Но мамы Аня не помнила. Совсем маленькой она осталась сиротой и жила с тёткой, старшей сестрой своей матери Таисией, которую с малолетства и называла мамой. Своих детей Таисии с мужем Бог не дал, поэтому сиротку они приютили охотно. Правда, через несколько лет муж Таисии приказал долго жить и без него стало совсем худо. Тётка частенько попрекала подрастающую Аню за дерзкий нрав и возрастающие потребности девочки, хотя сама Аня не чувствовала себя виноватой ни в чём. Она никогда не отлынивала от работы и никогда ничего не просила. Но и тёткино ворчание Аня не принимала близко к сердцу и всерьёз.

За разговорами и шутливыми подтруниваниями друг над другом они погрузились в лес, который сразу же встретил их запахами влажной прелой листвы и обнял зябкой прохладой.

Аня поёжилась от окружившей её тишины, которая каждый раз заставляла душу девочки холодеть, но в компании Мити ей было не страшно. Митя умел развеселить и развлечь беседой. Поэтому и корзинки наполнились довольно быстро. Дожди прошли отменные, и грибов народилось богато. Ещё и в Митин мешок насобирали.

– Тебе никогда не бывает здесь жутко? – спросила вдруг Аня, закинув очередной толстенький белый гриб в радостно разинутую пасть мешка.

– Да как-то я не из боязливых! – самодовольно ответил Митя и слегка улыбнулся, но увидев, что Аня помрачнела, добавил: – А почему мне здесь должно быть жутко?

– Ну... ты ничего не чувствуешь, когда оказываешься здесь один?

Митя смешался и, не зная, что на это ответить, просто пожал плечами. Он никогда и не задавался подобными вопросами. Лес да и лес. Природа. А природа – это всегда здорово! Раздолье, свобода.

– А я не люблю ходить сюда одна... Будто... Будто лес меня не любит. Он будто хочет меня убить...

– Ну-у-у, ты скажешь тоже, Анюта! – воскликнул после этих слов Митя, которому стало не по себе. – Не выдумывай! Я с тобой же!

– Ну да, – согласилась Аня.

Она закинула ещё один гриб в Митин мешок и встала, отряхивая платье.

– Всё, хватит, пойдём домой, а то не дотащим.

– Ох, сегодня ужин будет жирным! – воскликнул Митя, любуясь корзинками.

– Ага! На засолку да на сушку в самый раз! Mamka будет рада.

Аня оказалась права, и мамка действительно была рада. Но то ли в силу привычки, то ли от своего характера всё же пробурчала, провожая взглядом Митю в окне:

– О, и этот всё крутится рядом! Чего он? С тобой, что ли, увязался по грибы?

– Почему сразу увязался, мам? Я его встретила по дороге. Корзины-то тяжелые. Донести помог.

– Помог. Знаем мы таких помощников! Ты смотри мне! Не нужна нам голь перекатная! Не пара он тебе.

– Mam! Ну что ты говоришь-то такое?! – возмущённо воскликнула Аня. – И вовсе он не голь!

– Ага! – зацепилась за слово Таисия и, сощутив глаза, впилась ими в падчерицу. – Значит пара? Ты мне это брось! Чтоб я его рядом больше не видела!

– Тьфу ты, мама!

Аня, вспыхнув, в сердцах кинула на стол полотенце, которым вытирала руки, и направилась к двери.

– Куда собралась? А грибами кто заниматься будет? Характер она мне тут показывает, неблагодарная!

Аня уже не слышала, что ещё ей вслед кричала Таисия. Она вылетела на крыльцо, чтоб только не наругать тётке,

и остановилась перевести дух и успокоиться. Как же надоели ей уже все эти разговоры! Неужели Аня не могла просто общаться с друзьями? Каждого, буквально каждого парня, которого тётка видела рядом с девушкой, она почему-то оценивала как потенциального жениха. И почему-то обязательно он был не парой. То родители не такие, как хотелось бы Таисии, то голь перекатная, то неперспективный, то вообще «придурковатый». А вот, может, Ане вообще не нужна никакая пара?! И вообще – Аня сама знает, кто ей нужен! Она стояла на крыльце, уперев руки в бока, и ноздри её возмущённо раздувались, вторя мыслям.

О нет!

По дорожке в сторону их дома шёл человек. Одетый в серый костюм, неторопливой походкой, словно крался. По этой походке Аня могла узнать его из тысячи других людей. Это был Аркадий Степанович, вроде как какой-то начальник из района. Станный он был. Аня его побаивалась с первого дня их знакомства, когда в апреле он приехал к ним в школу в составе какой-то комиссии из района.

Аня заканчивала обучение в их маленькой деревенской школе, и именно их класс почему-то удостоился особого внимания комиссии. Они зашли в учебную комнату посреди последнего урока и стали беседовать с ребятами, расспрашивая, чем те планируют заниматься после обучения. Это несколько повергло в недоумение разновозрастных учеников класса, потому как чем ещё заниматься на селе, как

не поднимать хозяйство? Высокий, стройный, с аккуратно зачесанными русыми волосами мужчина представился как Аркадий Степанович и сразу привлёк внимание девочек своей белозубой улыбкой и негромким вкрадчивым голосом. На вид он был средних лет и по-мужски действительно красив, но Ане он с первого же взгляда не понравился. Взгляд Аркадия Степановича, поблуждав по классу, сразу зацепился за Аню и чаще всего возвращался к ней. Отчего ей казалось, будто этот взгляд был неприятно липким и вязким. Девчонки перешептывались и смущённо хихикали, когда им задавали вопросы. К Ане Аркадий Степанович обращался чаще всех и расспрашивал так подробно, что ей казалось, что своим взглядом и вопросами он её раздевает догола. Ещё пара вопросов, и она бы опрометью выскочила из класса и схлопотала бы выговор от учителя, но допрос прекратился, и комиссия засобиравлась на выход. До конца урока Аня сидела пунцовая и, когда прозвенел звонок, стремительно засобиравлась. Подружка Оля, с которой они жили по соседству и ходили вместе домой и в школу, еле поспевала за Аней к выходу. Когда девочки вышли из здания школы, то увидели недалеко от выхода припаркованный черный автомобиль, который окружала толпа зевак. Ещё бы! На селе таких диковинных аппаратов многие отродясь не видывали!

Аркадий Степанович курил сигарету, облокотившись на корпус автомобиля, и, казалось, кого-то ожидал. Что-то неприятно толкнулось в груди Ани, но девочки прошли ми-

мо, и Аня выдохнула. Но не успела она перевести дыхание, как услышала за спиной:

– Аня! – это негромкий голос Аркадия Степановича.

– Черт... – шепотом сказала Аня.

Оля удивлённо глянула на подругу. Девочки повернулись к мужчине.

– Я могу вас подвезти. Вы далеко живёте?

– Да! – обрадованно воскликнула Оля.

– Нет! – резко отрезала Аня и грозно посмотрела на Олю. Оля недоумённо захлопала глазами.

– Ты что, Ань? – торопливо зашептала Оля. – Нам четыре километра пилить до дома! А тут на автомобиле предлагают отвезти! Тебя каждый день, что ли, возят с таким комфортом? Может и видим его в первый и последний раз своими глазами...

– Мне как раз в вашу сторону, – тем временем говорил Аркадий Степанович. Он неторопливо затушил сигарету и в приглашающем жесте распахнул дверцу заднего пассажирского сидения.

Аня заколебалась, и Оля, воспользовавшись её заминкой, схватила Аню за руку и потащила в машину. Аркадий Степанович обошёл автомобиль и сел на место рядом с водителем, который всё это время терпеливо дожидался поездки. Девочки устроились на заднем сидении и с любопытством (Аня украдкой, а Оля, не скрывая восхищения) стали разглядывать салон. Автомобиль тронулся и аккуратно поехал

по укатанной просёлочной дороге в сторону окраины, где жили девочки. Аня сидела на заднем сидении по диагонали с Аркадием Степановичем, который развернулся к девочкам и улыбнулся.

– Так, значит, Аня, ты не собираешься покидать своё село.

И снова взгляд синих глаз Аркадия Степановича маслянисто и липко заскользил по Ане, будто облизывая. Аня инстинктивно вжалась в угол сиденья и зыркала оттуда, как зверёк.

– Я же сказала, что не собираюсь. Мать я на кого оставляю одну?

– Но в городе сейчас неплохие перспективы открываются для молодых и работающих. Устроишься, да и мать со временем к себе заберёшь. Новая фабрика и завод как никогда нуждаются в свежих молодых силах.

– Ну и пусть себе нуждаются, – буркнула Аня, скрестив руки на груди, и отвернулась к окну. – Уж как-нибудь без одной меня-то обойдутся.

– А я поеду. Мне интересно узнать что-то новое, – несмело сказала Оля, но Аркадий Степанович её будто не услышал и отвернулся, потеряв интерес к разговору.

Автомобиль неторопливо двигался вдоль неровно укатанной телегами дороге, потрясывая на ухабах и кочках своих пассажиров. Аня нервничала и в глубине души очень злилась на Олю, отчего брови на её лице ломали безмятежность и ровность лба. Ещё пару раз мужчина и девочки перекину-

лись несколькими фразами для того, чтобы уточнить маршрут, и, когда машина подъехала к нужным домам, Аркадий Степанович вышел из неё вместе с девочками. Оля попрощалась и скрылась за калиткой своего дома. Аня тоже собралась улизнуть к себе, но Аркадий Степанович двинулся вместе с Аней.

– Я хотел бы познакомиться с твоей мамой.

Аня в нерешительности и замешательстве остановилась.

– Это ещё зачем?

– Я хочу поговорить с ней.

Синие холодные и влажные глаза Аркадия Степановича будто гипнотизировали Аню. Возникший было в голове вопрос «О чём?», застрял в голове, так и не оформившись в слова и звук. Она опустила глаза и пожала плечами.

– Пойдёмте.

С того момента Аркадий Степанович стал иногда заезжать к ним. Таисия была им просто очарована. И скорее не тем, насколько Аркадий Степанович был хорош собой и насколько были хороши его манеры, а скорее тем, что каждый раз он приезжал с подарками и гостинцами. У Таисии появилось несколько красивых платков и тончайшая теплая шаль, а у Ани два красивых платья, которые, впрочем, Аня повертела в руках и повесила в шкаф. Куда ей их сейчас надевать? Коров доить? Он привозил разные сладости, которых Аня отродясь не ела, консервы и колбасы. Аня всякий раз старалась улизнуть от посиделок с этим не очень приятным ей го-

стем, но не всегда ей это удавалось. И приходилось выдерживать эти «званные ужины», после которых Ане всю ночь снился Аркадий Степанович в самых разных сюрреалистичных и мистических образах.

Подружки смеялись и подшучивали над Аней, что, возможно, скоро у неё появится новый папа. Сама Аня не исключала подобный исход событий. Таисия хоть и была уже немолодой женщиной, но всё ещё оставалась очень привлекательной. Её густые тёмно-каштановые волосы всегда были заплетены в косы и уложены вокруг головы наподобие венка, что делало её моложе своих лет и придавало образу какую-то игривость. Карие глаза обрамляли густые чёрные ресницы, а пущей выразительности взгляду придавали брови, которые крутыми дугами разлетались от переносицы к вискам. Таисия была энергичной и статной, поэтому вполне могла вызывать интерес у такого мужчины как Аркадий Степанович. Почему бы и нет?

Но многие моменты в общении с Аркадием Степановичем вызывали у Ани сомнения и противоречивые чувства.

Вот и сейчас, когда он вошёл в калитку, Аня почувствовала раздражение и неприязнь, захотелось побыстрее убраться с его глаз.

– Здравствуй, Аня.

– Здравсьте, – бросила на ходу Аня, пытаясь прошмыгнуть мимо Аркадия Степановича на улицу.

Но он мягко взял её за руку и остановил.

– А ты куда? Мама дома?

– Мама, да, дома. А я, это... надо к подружке забежать. Она вон, меня ждёт!

Невдалеке маячила фигура подружки Светланки. Аня взмахнула рукой, давая понять Аркадию Степановичу, что её ждут.

Он по инерции обернулся в сторону, куда махнула Аня, и отпустил её руку. Аня деланно улыбнулась и с облегчением выбежала за калитку. Она окликнула Светланку, которая с ведрами шла к колодцу, и догнала её.

– Гуляешь? Так быстро с грибами управилась? – спросила Светланка.

– Да какой там. Опять этот приехал. Мамка снова меня доставать будет своими нравоучениями и рассказами, как в городе хорошо, перспективно и богато.

Девочки неторопливо шли по дороге к колодцу. Светланка молча слушала Аню, лишь изредка задавая вопросы, и искоса поглядывала на подругу.

– Совсем он ей мозги запудрил. Чего ездит? Я никак не пойму. Если жениться хочет на ней, то пусть женится, я не против! Меня-то зачем в это втягивать?

– А мать говорила, что он жениться на ней хочет?

– Да нет, в общем-то не говорила, – сказала Аня и дёрнула плечиком. – Но я уже устала слушать, какой он распрекрасный да богатый! И, что интересно, не перестаёт говорить, что здесь для меня женихов нет, замуж не выйду, так и помру в девках в нашей нищей деревне. А вот Аркадий Степанович – ангел, ниспосланный нам небесами! Она, наверное, думает, что я совсем дуручка и поверю в то, что в городе живут одни Аркадии Степановичи, все сплошь культурные и богатые!

Светланка вдруг резко остановилась и широко распахнутыми глазами уставилась на Аню.

– Так ты и правда дуручка, Нюрка! – негромко и медленно, словно это было откровение, произнесла девушка. – Ты до сих пор ни о чём не догадалась?!

– Чего это я дуручка? – удивлённо и обиженно спросила Аня. – О чём мне догадываться?

– Так этот распрекрасный Аркадий Степанович не на мать твою, а на тебя виды имеет! А Таисия, судя по всему, вовсе не против!

Светланка ахнула, будто с произнесением этих слов ей открылась вся правда.

– Вот ведь змеища хитрющая! Прости, Ань.

– Да ну тебя, Светланка, фу! – возмущённо воскликнула Аня. – Выдумала тоже! Да и зачем ей это? Она ещё сама не старая...

– А этот... ты посмотри, козёл старый! – говорила Светлана, не слушая Анины возгласы. – На молоденькую...

– Светлана! – прикрикнула уже Аня. – Да что ты такое несёшь?!

Светлана на миг замолчала и посмотрела на Аню с сожалением. Она была старше Ани на два года и всегда относилась к ней как к младшей сестрёнке. Да и Аня всегда шла к ней за советом или просто поделиться секретами. Поэтому сейчас Аня осознавала, что хоть и звучат все эти слова из уст старшей подруги странно, неправдоподобно и нелепо, но просто так Светлана говорить такое не станет, и её испугали эти слова, которые вполне могли оказаться верными. Светлана покачала головой.

– Я-то, может, и несу, Анютка, только вот ты-то не будь слепой. Спроси у матери прямо, что всё это значит. А то и глазом моргнуть не успеешь, как продаст она тебя.

Эти слова поразили Аню в самое сердце. Аня растерянно заморгала и тихо сказала:

– Вот зачем ты так, Светлана? Зачем ты такая злая? Что я тебе сделала плохого, что ты говоришь мне такие ужасные вещи?!

Слёзы брызнули из глаз и, резко развернувшись, Аня бросилась прочь от подруги. Светлана что-то кричала вслед, но слов было не разобрать. Аня отбежала подальше и перешла на шаг. Слёзы обиды сопровождались всхлипами и не хотели прекращаться. Девушка вздрагивала всем телом

и размазывала слёзы по щекам. Постепенно она успокоилась и медленно побрела вдоль дороги. Мысли, которые недавно взъерошили её, словно опавшую осеннюю листву, в голове потихоньку упорядочивались, и стала проясняться картинка. Аня присела на скамеечку вдоль изгороди чьего-то дома и погрузилась в свои мысли.

Кусочек за кусочком картинка как-то начала складываться в единое целое, и Аня поняла, что не со зла подруга наговорила ей таких слов. Она попыталась открыть Ане глаза на очевидные вещи, которых та просто не замечала. Аня вспомнила всё, о чём они говорили с Таисией и Аркадием Степановичем. Вспомнила, как вела себя мачеха, как вёл себя Аркадий Степанович, все эти его масляные облизывающие взгляды и осторожные прикосновения. И так Ане стало противно, что её передёрнуло и охватила злость. Ладно этот! Он вообще неизвестно кто и неизвестно откуда взялся на её голову, но тётка! Понятно, что Аня неродная дочь, но ведь и не чужой человек! Разве можно так с ней? Да, тётка привыкла жить в достатке, пока был жив её муж, но и после его смерти они не побিরались! Да, туго приходится, но это не повод торговать людьми! Это кем вообще надо быть, чтоб вот так, за её спиной, проворачивать разные делишки?! Аня всё больше накручивала себя и злилась. И всё чаще в мыслях всплывал вопрос «Что делать?» Что ей теперь делать? И единственным ответом на этот вопрос были слова Светланки: «Спроси у матери прямо, что всё это значит».

Аня встала со скамейки и быстрым решительным шагом направилась к своему дому. Надо выяснить всё раз и навсегда.

– Юрка-а-а-а!!! Юрка!

Юрка обернулся на звук голосов. Вдалеке над верхушками высоких трав и ромашек, словно поплавки на воде, подпрыгивали головы мальчишек. Он узнал их. Это были его младшие братья. Юрка заулыбался во весь рот и помахал им рукой. Он был всегда рад их видеть и особенно сейчас, когда в поле было жарко и скучно. Хотя и было только утро, но солнце уже жарко грело макушку через панамку, и из гущи ароматных трав поднимался звон. Внизу, у самой земли, было уже не прохладно, а сладко-душно, и приятно грело ноги, обутые в стёртые сандалии. На поясе у Юрки болтался полотняный мешочек, в который он по просьбе бабушки собирал цветки ромашек. Бабушка потом делала из них отвары, чай и лечебные настои. Юрка не роптал и выполнял всё, о чём она просила. Так получилось, что он с рождения жил у бабушки, помогал ей и дяде-инвалиду. Он любил и бабушку, и дядю, но по родительскому дому и братьям скучал сильно. Вот и сейчас, когда он увидел, как три маленькие фигурки продираются сквозь густые и высокие травы и радостно машут ему руками, сердце его наполнилось теплом и счастьем. Юрке шёл тринадцатый год, и он был самым старшим среди братьев. Следом, младшим по возрасту, был Мишка, за ним – Петрусь, и самым маленьким из всех братьев, равно

как и самым любимым, был Ванюшка.

Мальчишки торопились и бежали, стараясь высоко поднимать ноги, чтобы перепрыгнуть через зелёные волны, что делало их похожими на молодых козлят. Ванюшку и вовсе почти не было видно, лишь его белёсая макушка пушистым одуваном золотилась среди зелени трав. Он сильно отставал от старших, хоть и старался изо всех сил. Но ему было всего четыре года, а травы были слишком густы и высоки. Он то и дело спотыкался об них и нырял головой в самую гущу. Размазывая ладошками сопли по щекам, он, сопя, поднимался и снова бежал за братьями, но видел, что уже хорошо отстал от них. Наконец он просто устал и совсем обиделся, остановился и заревел во весь голос. Мишка услышал его рёв и, вернувшись за ним, подхватил на руки и потащил впереди себя. Ванюшка, счастливый и чумазый, с размазанными по щекам коричнево-зелёными полосами, обхватил брата за шею.

– Приве-е-ет! – закричал Юрке Петрусь и замахал рукой, в которой болталась серая сумка. – Мамка пирожков напекла!

Ребята повалились в траву рядом с Юркой. Петрусь достал из сумки газетный сверток с расплывшимися жирными пятнами и литровую банку с молоком.

– Мы сначала до бабушки побежали, думали, что ты дома, – деловито разворачивая газетный сверток и пытаясь разложить его на примятой траве, сказал Мишка. – Но бабушка

сказала, что ты здесь, и чтоб мы отнесли всё к тебе и покушали вместе с тобой!

Мишка, сияя, наконец расправил газету, и тёплые ещё пирожки румяно и аппетитно развалились перед мальчишками.

– Ешь! – сказал Мишка и потянулся к банке с молоком, чтобы открыть её.

– Ну и вы тоже налетайте! – сказал Юрка и откусил сразу почти полпирожка.

– Не-е... – сглотнув слюну, отозвался Петрусь. – Сначала ты поешь! Мы уже завтракали! Давай-давай!

– Дак уже ж почти обед, можно и перекусить, – с набитым ртом, подмигнув, проговорил Юрка и протянул один пирожок младшему брату. – Держи, Ванюшка!

Ванюшка аж подпрыгнул и радостно схватил пирожок чумазой ручкой. Он очень хотел пирожок, но знал, что они предназначались старшему брату, поэтому ни за что не взял бы сам.

Мальчишки все вместе умяли пирожки, выпили молоко и довольные растянулись в густой траве. Лишь непоседа Ванюшка, получивший существенную подпитку своей и без того неуёмной энергии, носился рядом и гонял кузнечиков. Мишка рассказывал Юрке последние за минувший день новости. Вчера Юрка не встречался с братьями и поэтому пропустил часть событий. Оказалось, что их общий враг, хулиган и задира Вовка Мещеряков со своими друзьями, про-

знав, что Мишка и Петрусь гуляли без Юрки, из кустов обкидали их комьями грязи и провоцировали на драку.

– Знаешь, если б не баб Маришка, которая шла следом, – с жаром говорил Мишка, – то мы б им навалили так, что они б это на всю жизнь запомнили!

Мишка сжал ладонь в кулак и погрозил невидимому врагу.

– Когда они уже угомонятся? – задумчиво провожая взглядом облака, мелкими барашками проплывающие над развалившимися на траве мальчишками, произнес Юрка.

– А когда навалием, тогда и угомонятся, – негромко отозвался Петрусь.

– Может, нам с ними как-то поговорить? – спросил Юрка и сел, глядя на братьев сверху вниз. – Не всё ж решается с помощью кулаков... Выяснить, кто чего добивается, что не нравится...

– Ага! – с сарказмом отозвался Мишка. – Может, с кем-то и можно договориться мирно, но не с Мещеряковым. И так ясно, чего он добивается и что ему не нравится. Он же за отца мстит, забыл?

Нет, Юрка не забыл. Юрка отлично помнил эту историю. Громкую для их небольшого поселка и неприятную.

Отец мальчишек, Иван Васильевич Смирнов, был очень уважаемым человеком не только в родном селе, но и в райцентре. Почетный фронтовик, герой Великой Отечественной войны, сейчас, в мирное послевоенное время, он зани-

мал должность председателя сельского совета. Был строг, но справедлив не только с чужими, но и со своей семьёй. А отец Вовки работал начальником в МТМ. Случился инцидент, виной чему послужил алкоголь, и если б об этом не стало известно Ивану Васильевичу, то потихоньку тот случай замялся бы и забылся. Но Иван Васильевич был принципиальным и честным. Разбирательства были громкими, и в итоге Вовкиного отца исключили из партии, а на работе перевели в простые механики. Вследствие этого Мещеряков старший ещё больше запил и обозлился на всех. Вовка стал частенько попадать под его горячую руку. Поэтому злости у Вовки на Ивана Васильевича хватало. А так как отомстить непосредственно виновнику своих бед он не мог, то его сыновья были очень подходящей мишенью. Юрку он побаивался: тот был старше на год, крепче и выше почти на голову, а вот Мишке и Петрусь частенько прилетало.

Юрка сорвал травинку и в задумчивости намотал на палец.

– Надо что-то придумать, – сказал он.

– Ну да! – подхватил Петрусь. – Подловить как-нибудь и намылить ему шею хорошенько, чтоб знал наших!

– Ага... – негромко отозвался Мишка. – Только Мещеряков, как назло, один никогда не ходит. Всюду в сопровождении своих дружков. Как трус.

Петрусь заливисто рассмеялся, зажмурив глаза.

– Конечно! – воскликнул он сквозь смех. – Как же ему без

свиты? Ему ж каждый второй навалить хочет! Он пока до дома дойдёт – все фингалы соберёт, коли без охраны будет!

Юрка хмыкнул, завязал травинку в узелок и щелчком запустил в гущу травы.

– Ладно, – сказал он и поднялся на ноги. – Разберёмся. Я дальше собирать, а то мало совсем.

– Мы ж помогать пришли! – спохватился Мишка и тоже вскочил на ноги. – Сейчас быстро управимся и гулять! Ага?

– Ага! – согласился Юрка, и мальчишки принялись за работу.

Вместе всегда веселей: и работа быстрее спорится, и время быстро пролетает. Вместе всегда здорово... И Юрка чувствовал себя одиноко, когда вечером ему приходилось одному возвращаться к бабушке. Он любил бабушку, и ему хорошо жилось с ней, но все же родителей и братьев ему очень не доставало. Он скучал по ним. Скучал по перешептываниям с братьями перед сном, когда иногда оставался с ночевкой в родительском доме. Мать в комнате на полу расстилала огромное ватное толстое одеяло, и мальчишки все устраивались спать на нём, под одним покрывалом, как котята. И не могли наговориться. Скучал по маминой стряпне. Бабушка, конечно, не хуже, а может даже и вкуснее готовит, но мамина была особой. В родительском доме даже пахло по-другому... Когда он был помладше, то, засыпая в бабушкином доме, он, бывало, даже плакал. Но став старше, он убедил себя в мысли, что бабушка старенькая, дядя, бабушкин

старший сын и брат мамы, инвалид, и надо ведь им помогать! Как же они одни? Вот и получилось, что у него, у Юрки, почётная и важная миссия – помогать своим близким. С этими мыслями жить ему становилось легче, и на душе было не так тоскливо.

Вот и сейчас в три пары рук мальчишки быстро наполнили матерчатый мешочек и выполнили Юркину норму сбора цветов на сегодня. Даже Ванюшка помогал! Правда к концу он уже разнылся: было жарко и хотелось пить. Поэтому мальчишки работали быстро и вскоре уже неслись по полю в сторону бабушкиного дома. Ванюшка счастливый восседал на плечах у Юрки и хохотал во всё горло.

– Впел-лё-од! Впелёд, мой конь! – кричал Ванюшка и размахивал руками. – Ул-ла-а-а!

Ванюшка поначалу казался Юрке совсем невесомым, но, даже не добежав до конца поля, Юрка выдохся и перешёл на шаг. Ванюшка склонился к Юркиной голове и обнял ручонками.

– Устал? – заботливо спросил он. – Ну отдохни... А потом есё побегает!

Юрка засмеялся. Приятна ему была забота младшего братишки.

Дома бабушка попыталась накормить мальчишек обедом, но на столе стояла большая тарелка со стопкой свежееспекённых блинов, поэтому все, галдя и толкаясь, накинулись именно на них. Бабушка покачала головой и принесла плош-

ку со сметаной.

– Дак сядьте ж по местам! Всем достанется! – говорила бабушка, подвигая табуретки к столу.

Она была небольшого роста, сухонькая, но крепкая. И по сути, она не была ещё старой, просто тяжёлая жизнь сделала своё дело. Её голубые слегка выцветшие глаза в лучах уже хорошо сформировавшихся морщин светились добротой, но голос был тверд и молод. И бабушку слушались все. Даже отец мальчишек. Юрка слышал, как мать однажды, разговаривая с дядей Серафимом, своим братом, рассмеялась и сказала, что если отца боятся все, а отец боится тещу, значит теща – самый большой авторитет на селе. И ведь так и было. Юрка частенько замечал, как отец, рослый и крепкий, пасовал спорить с этой маленькой женщиной и вёл себя так, словно мгновенно превращался в маленького мальчика. Но внуков своих бабушка любила бесконечно и беззаветно. Особенно Юрку.

Когда он родился, родители Юрки жили в бабушкином доме, и главной нянькой была, конечно же, бабушка. Она почти не отходила от внука и была хорошей помощью для своей дочери. А потом через два года родился Мишка, и родителям от колхоза дали квартиру в новом двухквартирном доме. Это была хоть и не большая, но с тремя комнатами квартира, с кухней, верандой и приквартирным участком. Сзади домов были понастроены сараи для скота, сеновалы и подсобные строения, закреплённые за каждой квартирой. Родители бы-

ли счастливы! Но когда они переезжали, бабушка не смогла сдержать рыданий. Очень она горевала, что Юрку увозят. И родителями было решено оставить старшего сына с бабушкой. Ну вроде как и бабушка довольна, и матери полегче, и для маленького Юрки смена обстановки не станет стрессом. Так и остался Юрка жить с бабушкой. А летом так и все мальчишки, ну кроме разве что Ванюшки, жили практически на два дома. То все кучей у родителей, то у бабушки. А жарко летом! Так настелит бабушка одеял тёплых на полу в большой комнате, и мальчишки, набегавшись и наигравшись за день, кто как, вповалку засыпали на этих одеялах. У бабушки почти как дома, только лучше! – так братья говорили Юрке и даже немного завидовали.

Вот и сейчас Петрусь, наевшись блинов и поглаживая себя по животу, сказал:

– Хорошо тебе, Юрка! Вот погуляем, ты потом домой придёшь, а у тебя опять блинов целая куча! Ешь не хочу!

– Да-а, хорошо мне! – широко улыбаясь, согласился Юрка и с лукавым прищуром глянул на брата.

– А я вам с собой заверну, перед сном покушаете, – донёсся от плиты голос бабушки.

– Да вот ещё! – воскликнул Юрка. – Не буду я ни с кем делиться! Обойдутся, и так вон жирные какие!

Юрка метал озорные искры в братьев.

– Кто это жирный?! – подхватил Мишка.

– Вот ведь куркуль! Для братьев зажал, буржуйская мор-

да? – едва сдерживая улыбку, медленно протянул Петрусь.

Ванюшка с полным ртом медленно жевал и следил непонимающим взглядом за братьями.

– Да смотрите на себя. Жир аж из штанов вываливается, и пуговицы на рубашках того и гляди отскочат, – сказал Юрка, медленно вставая. – О! Смотри-смотри, у Михи аж щёки заблестели!

Петрусь оглянулся на Мишку, и в этот момент Юрка соскочил с места и помчался к двери. Мальчишки опомнились и, поняв, что их провели, с громкими воплями кинулись следом. Ванюшка открыл рот и уставился на бабушку, которая всплеснула руками и воскликнула:

– Вот шалопаи!

Она выглянула в окно, где по двору бегали её внуки, и, вереща, накидывались друг на друга. В конце концов они свалились в траву, и эта куча-мала стала кататься, махая руками и ногами. Ванюшка вышел на порог и, глядя на старших, завыл. Как это так, его не взяли играть? Бабушка смотрела на всё это и неодобрительно качала головой. Брови её хмурились, но лицо озаряла невидимая внутренняя улыбка.

Он всегда хотел сына. Может, поэтому он так часто ругает её и наказывает? За то, что она не мальчик? Но чем, чем она хуже мальчика?

Таня пыхтела, сидя на полу возле обувницы, завязывая шнурки потрепанных кед. Некогда будучи белыми, носки кед были сплошь исчерканы черными полосками, оставленными бутсами мальчишек из их дворовой футбольной команды. Она терпеть не могла шнурки, но обожала кеды, поэтому, когда ей было ещё пять лет, она научилась мастерски зашнуровывать их разными мудрёными способами. Мальчишки во дворе не стеснялись просить её научить их этим способам, и со временем у Таниной «банды» появился свой отличительный способ шнуровки обуви. Сейчас Тане шесть, у неё своя дворовая компания, состоящая исключительно из пацанов примерно её возраста. Она атаман. И у неё есть прозвище. Самое настоящее мальчишеское прозвище! Мальчишки уважали её, слушались и, казалось, вовсе не считали её девочкой. Правда и внешне Таня мало походила на девочку. Она просила стричь её коротко, почти выбривать затылок, оставляя длинной лишь челку. Из одежды – джинсы, шорты и футболки, которые частенько были измазаны велосипедным маслом. Она любила футбол, знала приемы карате, умела постоять за себя, звонко свистеть и сплёвывать

через дырку от выпавшего недавно зуба. У всех пацанов в их и соседних дворах Таня была в авторитете. И только папа был вечно ею недоволен...

– Капра-а-а-ал!!! – послышался с улицы звонкий голос через открытое окно на кухне.

– Да иду я, иду... – пробурчала себе под нос Таня.

Таня злилась на себя за то, что вошкается, и на бабушку за то, что постирала её кеды и шнурки, и теперь Тане пришлось их заново шнуровать.

Бабушка вышла из кухни, на ходу вытирая мокрые руки о кухонный передник. Из кухни доносился звук жарящихся на плите пирожков с капустой (Таниных любимых) и их вкуснящий запах.

– Танюша, там тебя друзья зовут, – сказала бабушка.

– Да знаю я, – буркнула Таня и чуть тише добавила: – Ненавижу это имя...

– Вы недалёко собрались? А то обед скоро...

– Недалёко, – эхом ответила Таня и встала, одёргивая шорты и дрыгая ногами. – Всё, я во двор.

Таня взяла с полочки под зеркалом нанизанный на верёвочку ключ от дома и повесила на шею, тут же спрятав за пазуху футболки. Ключ холодом мёртвого железа неприятно скользнул по телу. Таня передёрнула плечиками и, не глядя на бабушку, которая с укоризной, вздыхая, смотрела на неё, выскользнула за дверь.

Приглушённо шлёпая кедами о бетонные ступени, Таня

сбежала на нижнюю площадку подъезда, где под лестницей был привязан на цепь её велосипед. Без замка, в самом деле просто привязан, всё равно никто не украдёт.

Мальчишки терпеливо ждали её у подъезда.

– Здорово, Кэп, ну что, погнали? – по очереди поздоровавшись с ней за руку, поинтересовались они.

– Погнали! – скомандовала Таня и все дружно, оседлав своих двухколесных «коней», покатали со двора.

Сегодня их было трое: летом их компания частенько была в неполном составе. Кого-то родители отправляли в пионерский лагерь, кого-то к бабушке в деревню, а некоторых родители просто забирали на целый день на дачу. Им не хватало друг друга и казалось, что разлука вечна. Но, несмотря на это, находились игры и увлечения, где хоть на время можно было забыть, что они – неполная команда.

Сегодня они собрались на речку. То есть не совсем на речку. Сюда заходил лишь маленький рукавчик от основного русла, которое протекало чуть поодаль. Но рыбакам и детворе, а также небольшим компаниям для пикников и отдыха хватало и этого небольшого «лягушатника». Пройти к нему можно было обходя сквер, оставшийся от некогда огромного дремучего леса, что простирался на этой территории задолго до рождения нынешнего поколения, живущего в этом небольшом городке. Да и сам городок в прошлом был всего лишь маленькой деревенькой в несколько домов, построенных переселенцами с запада страны. А ещё к речке мож-

но попасть, пройдя через сквер. Правда совсем непонятно, почему этот кусок леса все называли сквером. Сквер расположился рядом, с аллеями и фонтанами, со скамеечками в тени немногочисленных деревьев. А эти непроходимые заросли вековых деревьев оставили практически нетронутыми, лишь в некоторых местах зачем-то протянув асфальтовые дорожки. Редко кто ходил через этот лес. Жутко было в нём и беспокойно. Множество всяких историй и легенд ходило о самом лесе. Придуманных ли, или настоящих, уже никто и не разберёт.

Ребята на своих велосипедах катили по аллеям сквера и их слегка потрясывало на неровных камнях брусчатки. Таня полетела вдоль аллеи мимо леса, когда услышала оклик друзей.

– Эй, Кэп, сто-ой! Тормози!

Таня резко притормозила и, развернув велосипед, повернулась к мальчишкам. Они махали ей руками, призывая обратно.

– Чего? – недовольно крикнула им Таня, но двинулась к ним, ведя рядом велосипед.

– Поехали напрямки! Чего тащиться километр по жаре? – сказали они, когда Таня подошла.

– Напрямки? – с некоторой тревогой в голосе произнесла Таня и посмотрела на узкую извилистую аллею, укатанную в асфальт и змейкой ускользающую в сумерках прохладного леса.

Тревога Тани была обусловлена не только всеми этими сказками, которые ходили между ребятами и взрослыми в городе. Страшила также и криминальная сводка, у которой этот недружелюбный зелёный райончик был в фаворе. Поэтому бабушка всегда строго-настрого наказывала Тане даже носа не совать в лес, и Таня клятвенно обещала бабушке не делать этого. Поэтому сейчас Таня колебалась.

– Боишься что ль? – улыбаясь, с дружеской ухмылкой спросил белобрысый Толик, один из мальчишек.

– Дурак что ль? – передразнивая его, ответила Таня и уже серьёзно добавила: – Я просто бабушке обещала, что не буду ходить через лес. А обещания нужно выполнять.

– Ну это-то да... – немного сникнув, хором ответили мальчишки.

– Но ведь всё равно никто не узнает, – с надеждой сказал Славка, второй мальчик.

Он был на год старше Тани и Толика. Темноволосый и задиристый, с вечными лукавыми искорками в зелёных глазах, он частенько подбивал компанию на разные «подвиги». Некоторые из них Таня купировала сразу, а некоторые с удовольствием возглавляла и сама.

– Мы быстро проскочим! – настаивал Славка, видя явные сомнения на лицах друзей. – Так же гораздо быстрее! И нет там ничего страшного. Мужики с нашего двора часто так ходят на речку рыбачить и все живы и здоровы. Да и все ходят! Для чего тропинки-то проложили? Для красоты, что ли? Ну?

Таня и Толик переглянулись. Толику явно не хотелось ехать по пеклу целый крюк, и он с надеждой ждал, что Таня согласится. Таня поджала губы и всё-таки сказала:

– Вы езжайте, как хотите, а я поеду в объезд.

– Кэп! – воскликнул Славка. – Да не дури! Ну кто узнает о том, что ты нарушила обещание?! Вот глупости!

Таня, не глядя на друзей, развернула свой велосипед и встала одной ногой на педали. Славка шумно выдохнул.

– Мы же никому не скажем! – поддержал друга Толик, крикнув вслед Тане, и вдруг провокационным тоном добавил: – Или ты всё-таки просто трусишь?

Таня резко остановилась и, повернув голову, зло посмотрела на мальчишек. Нет, на их лицах не было ни насмешки, ни вызова. Они просто хотели ехать все вместе и знали, чем зацепить Таню. Никто не смел думать, что она трус. И это в самом деле подействовало. Таня снова развернула велосипед.

– Вот ты и впрямь дурак, Толян! – рассерженно кинула в Толика Таня и прокатила мимо них, свернув в аллею, ведущую в сумеречный лес.

Мальчишки радостно вскочили в седла своих велосипедов и заспешили следом за Таней.

Лес ласково опустил на детей свою тишину, полумрак и прохладу, раскрыв заботливые объятия. Но вместе с этим в душу Тани странным образом проникло ощущение жути... Казалось, что это забота лжегостеприимной черной ведьмы,

которой-таки удалось заманить жертв в своё логово... Бр-р-р...

Таня на ходу поёжилась. Здесь будто и впрямь начинался другой мир. Вся суета, жара и жизнь словно остались в другом измерении. Здесь же висела звенящая тишина. Ни птички, ни звуков насекомых, ни шороха листьев. Только стрёкот колёсных спиц катящихся по дорожке велосипедов. Да и тот будто тонет в вязкой тишине. Дремучие заросли окружали дорожку плотным коридором, вселяя мысли о скрытых жутких тайнах, притаившихся за каждым кустом и за каждым деревом.

Таня прибавила ходу. Мальчишки молча катили следом. Наверное, и их посетили те же самые ощущения. И они, не сговариваясь, торопились побыстрее покинуть это место. Дорога казалась нескончаемой. Или здесь и время искажается? Может, оно здесь вообще останавливается? Может, оно так же, как свет и звуки, вязнет в этой тишине и забвении? Быстрее! Быстрее!

Таня разогналась так, что становилось ещё страшнее. Но подгонял её не страх, а злость. Она злилась на себя за свою слабость. Ведь страх – это слабость! А она не слабачка! Да, она родилась девчонкой, но она не такая как девчонки! Она не хуже мальчишек!..

Ведь папа не любит слабаков...

На всём ходу тройца вылетела из леса в солнце, будто ядра из пушечного жерла. Колёса увязли в высокой траве, зна-

чительно снизив скорость велосипедов, и друзья остановились. Таня оглянулась и посмотрела на мальчишек. С их лиц ещё не успел испариться отпечаток ужаса сумеречного леса, и она его отчетливо успела заметить. Хотя они почти сразу радостно рассмеялись, стараясь замаскировать только что испытанные эмоции.

– Фу-ух, Кэп! – шумно выдохнул Славка, сверкая глазами. – Ну ты и задала скоростуху! У тебя на велике турборежим?

Мальчишки рассмеялись. Напряжение в их голосах постепенно ослабевало. Ведя велосипеды рядом с собой, они пешком направились вдоль заросшего кустарником берега, отыскивая чистый бережок. А когда немного позже они развалились на теплой втоптанной в пологий берег траве, все испытанные недавно страхи окончательно улетучились. Полуденное солнце согрело каждый продрогший душевный уголок и внушило своим теплом чувство нереальности казавшихся возможными кошмаров.

Когда Аня зашла в дом, Аркадия Степановича уже не было. Таисия, поставив одну ногу на скамейку, облокотилась на неё, чтоб спине было полегче, мыла и перебирала грибы в большой кадushке на столе. Она недовольно глянула на вошедшую падчерицу.

– Ну наконец-то! Явилась! Ты чего ж это меня перед уважаемым человеком позоришь? Да и грибов вон целая куча! Я, что ли, до ночи с ними ковыряться буду?

Весь боевой пыл Ани как рукой смахнуло. Она быстро ополоснула руки под рукомойником и пристроилась рядом с Таисией перебирать и мыть грибы.

– А этот... Аркадий Степанович то есть, – несмело начала Аня, – чего так быстро ушёл?

Таисия многозначительно помолчала.

– Чего-чего... Ужина нет! Ты же умотала. А он человек занятой. Ждать, что ли, будет?

Аня поджала губы и промолчала. Таисия резкими и нервными движениями перекидывала помытые и почищенные грибы в другую чашку. Аня почувствовала себя неудобно и виновато.

– Гостинец вон тебе привёз, – Таисия кивнула головой в сторону посудного шкафа, где на полочке лежал небольшой свёрток.

Аня неопределённо промычала и поджала губы. Ей очень хотелось начать разговор, но она никак не решалась. Аня то открывала рот, то зажимала губы зубами, то вздыхала и косилась на тётку. А Таисия словно бы и не замечала ничего. К тому же чувствовалось, что она начала успокаиваться. В её движениях исчезла резкость, и на губах заиграло подобие лёгкой улыбки. Брови вздрагивали, и вокруг глаз то и дело появлялись морщинки, словно лучи солнца освещая взгляд в ответ на какие-то свои мысли.

Аня постепенно стала злиться и досадовать на себя за то, что поверила словам подруги. Ну не могла тётка такое задумать! Зачем ей это? Она и сама ещё красавица, способная охмурить кого угодно. Может, действительно мужчина приезжает к ним, потому что именно Таисия его очаровала? В компании Аркадия Степановича она и смеялась звонче, и даже кокетничала, на щеках играл румянец и в глазах плясали озорные искорки. Да и подарки Аркадий Степанович возил в основном Таисии! Ане так, гостинцы... А люди всегда будут болтать разное! Кто от злости, кто из зависти, кто-то по глупости. Но ведь правду никто из них не знает! Одними домыслами подпитаны.

– А тебе что привёз? – неожиданно спросила Аня, и Таисия слегка вздрогнула, будто Аня заставила её очнуться.

Таисия вскинула глаза, полные каких-то, по всей видимости, приятных воспоминаний или грёз, на Аню. Но не успела ответить, как Аня ахнула! Вокруг шеи Таисии обвилась нит-

ка из ярко-красных сочных горошин, и в каждой горошинке играл отблеск света лампы, которая стояла рядом с ними на столе. Таисия заулыбалась, поняв, что Аня всё увидела без лишних слов. Хотя свет в доме и не был ярким, но Аня разглядела и то, что румянец залил тёткины щёки, выдавая её всю с потрохами.

– Красивые, правда? – слегка охрипшим голосом спросила Таисия. – Коралловые!

– Очень. Очень красивые! – ответила Аня и заулыбалась, окончательно успокоившись и мысленно обругав себя последними словами за то, что была так глупа и невнимательна.

И уже ночью, засыпая, Аня мысленно всё ещё складывала картинку из пазлов происшедших событий, ощущений, мыслей, по-новому понимая сказанные ей тёткой и Аркадием Степановичем слова. Всё стало представлять в совершенно ином свете. И даже показалось, что нет ничего плохого и страшного в том, чтобы всем вместе переехать в город, если Таисия и Аркадий Степанович решат пожениться. Сон уносил Аню в радужные перспективы будущей жизни, и на утро она проснулась в отличном настроении.

Днём она помирилась со Светланкой, и дни побежали как обычно. Аркадий Степанович не появлялся уже третью неделю, и Аня стала замечать, как Таисия грустит и всё выглядывает в окна. Тёткино чаще обычного случавшееся раздражение только подтверждало Анины подозрения, и на тётку она не обижалась. Даже с некоторым удивлением сама себя

поймала на мысли, что ждёт приезда Аркадия Степановича и начинает беспокоиться по поводу его долгого отсутствия. Таисия окунулась в работу по хозяйству, подолгу не выходя из сарая, или подольше задерживалась у соседей, когда те звали помочь с приболевшей или рожавшей скотиной. Или уходила просто так потрепаться с соседками у одной из них на лавочке.

Таисия ссыпала большую половину семечек в кулёк, свёрнутый из старой газеты. И уже у порога повернулась к подметавшей пол Ане.

– Я у Зойки. Если вдруг... – она запнулась, но тут же продолжила: – понадобится – позовёшь незамедлительно.

Аня поняла, о чём просила её тётка, и кивнула. Таисия скрылась за дверями. Сегодня Аня делала всю работу по дому. Всё перемыла и вычистила, поставила тесто на хлеб и так закрутилась, что не заметила за окном подъехавший автомобиль. Поэтому громко вскрикнула, когда в дверях столкнулась с Аркадием Степановичем. Он и сам не ожидал, что на него кто-то налетит. Он подхватил Аню, и они оба рассмеялись неловкой ситуации.

– Ой, здрасте! – воскликнула Аня, сердце которой заколотилось от неожиданности и будто бы даже от радости. – Напугали!

– Да я и сам напугался! – с улыбкой проговорил Аркадий Степанович, ослабив объятия, в которые заключил девушку.

– Фух, а мама ушла к соседке поболтать, – Аня перевела

дыхание и попыталась мягко отстраниться. – Давайте я сейчас её позову, а вы пока проходите.

Одна бровь Аркадия Степановича приподнялась, и взор, казалось, слегка затуманился. Несмотря на то, что Аня старалась отстраниться, он вдруг прижал её к себе ещё крепче. И температура между ними мгновенно возросла. Аню бросило в жар. Она удивлённо уставилась на мужчину, который менялся на глазах. От вежливого и обходительного Аркадия Степановича оставалось всё меньше с каждым мгновением. Где-то на дне его влажных голубых глаз вдруг стало разгораться адское пламя похоти и желания. На своей груди Аня явственно ощущала сильные толчки его сердца.

– Вы чего? – едва смогла прошептать девушка.

– Аня... – прохрипел Аркадий Степанович и накрыл своим ртом Анины губы.

Аня пискнула, и силы странным образом стали её покидать. Рассудком она понимала, что сейчас происходит, разум буквально вопил внутри её головы, но тело отказывалось слушаться. Горячее дыхание Аркадия Степановича, запах его дорогого парфюма, смешанный со сладким, чисто мужским ароматом, его шепот, щекочущий кожу, парализовали и делали из Ани просто тряпичную куклу. И вслед за телом сознание будто стало отключаться. Она медленно уплывала в туман. Ноги предательски подкосились, и она едва почувствовала, как плавно опустилась на пол, и её придавило сверху чем-то тяжёлым и горячим. И больше она не чувство-

вала ничего, потому что сознание выключило реальность.

В следующую минуту она уже чувствовала, как её бьют по щекам, и откуда-то издалека доносились встревоженные слова:

– Аня! Аня, очнись! Что с тобой, девочка?! Очнись!

Аня открыла глаза. В голове шумело, будто пересыпали песок. Из темноты выплыли лица Аркадия Степановича и Таисии.

– Анечка! Тая! Я зашёл, а она лежит... Нигде не ударились? Что-то болит?

Аркадий Степанович и правда казался очень обеспокоенным и взволнованным. Они с Таисией приподняли Аню. Аня медленно села на полу, не в силах сообразить, в чём дело. Ей показалось, что она видела дурной сон.

– Боже мой, Аркадий Степанович, как же вы вовремя! А вдруг с Нюрой что-то серьёзное приключилось! Дитяtko моё родное! Как хорошо, что вы рядом!

Таисия со слезами на глазах причитала и охала. Они усадили Аню на лавку и сунули в руки ковш с холодной водой. Аркадий Степанович сидел перед ней на корточках и, глядя в глаза, поправлял выбившиеся из косы пряди волос. Аня посмотрела на него и мгновенно поняла, что это был вовсе не сон. Стальной и острый взгляд мужчины говорил, что ей лучше обо всём молчать. Аня сделала большой глоток из ковша и тут же поперхнулась, закашлялась и окончательно пришла в себя.

– Всё нормально! – она замахала руками, отстраняясь от всех. – Не трогайте меня! Ничего не болит! И я не удари-
лась, отстаньте! Не трогайте.

Её заколотил озноб. Таисия бросилась в соседнюю комнату, и на секунду, оставшись снова один на один с Аркадием Степановичем, Аню охватил ужас. Но Таисия быстро вернулась с теплым одеялом и укрыла Аню. Она быстро закуталась, и теплый шерстяной кокон создал ощущение безопасности. Аня окунула лицо в одеяло и закрыла глаза. Она слышала, как Аркадий Степанович тихо поговорил о чём-то с Таисией и вышел из дома. Аня облегчённо выдохнула. Её какое-то время ещё колотил озноб, но с уходом мужчины ощущение, что дом покинуло зло, было практически осязаемым. Постепенно Аню стала отпускать ледяная хватка страха. И ещё чуть позже Аня успокоилась до такой степени, что смогла вместе с Таисией налепить лепёшек и поужинать ими и молоком.

Таисия изредка с тревогой поглядывала на падчерицу, но вскоре и сама успокоилась. Аня всё ещё терялась в своих раздумьях. Произошедшее казалось нереальным. Может, она и правда упала в обморок и ей всё привиделось? Но на эти мысли тело отзывалось болезненным напряжением, и холодный взгляд Аркадия Степановича, всплывавший в памяти, вносил хаос в мысли. Стоило ей взмахнуть рукой или повернуться, как она тут же ловила на себе запах Аркадия Степановича, и её начинало мутить. Перед сном она дол-

го оттирала от себя этот запах, забравшись в большую чашку с водой в полутьме бани. Осознавая, что не удаётся избавиться от чувства стыда и тошноты, Аня плакала и тёрла себя грубым мочалом, пока не устала. Уснула она мгновенно, но пару раз за ночь она с криком вскакивала в постели и покрывалась холодным потом. Во сне Аркадий Степанович то намеревался сожрать её своим огромным ртом, то холодно забирался под платье и пытался овладеть ею. Таисия, впрочем, ни разу не проснулась на её вскрики, и Аня чувствовала себя покинутой и одинокой в своих страхах. Долго лежала с открытыми глазами, пока сон вновь не одолевал её, уставшую физически и морально.

Утро принесло толику облегчения. Яркость предыдущего дня немного померкла и принесла трезвость рассудку. Аня твёрдо решила всё рассказать Таисии. Осталось только решиться. Но каждый раз, как она открывала рот, волна стыда перехватывала горло, и Аня не могла выдать из себя ни слова. Ни за завтраком, ни до полудня, ни в обед. Аня сильно досадовала на себя, злилась и... молчала. После обеда она с головой ушла в работу во дворе, стараясь всю злость на себя вынести вместе с мусором и навозом. Вычистила сарай, вымыла емкости с водой для курей и скотины. Это успокаивало и позволяло отвлечься от невесёлых мыслей. Когда Аня шла с ведрами от колодца, её догнал Митя. Он подхватил оба ведра и пошёл рядом.

– Чего не сказала, что по воду пойдёшь? – спросил Митя.

Аня улыбнулась. Они не виделись уже несколько дней, и она поняла, что невероятно ему рада.

– Соскучился, что ли? – с ноткой кокетства в голосе спросила Аня.

Она искоса глянула на парня, который в свою очередь не скрыл ответной улыбки.

– Конечно! – искренне воскликнул он. – Пропала, ни слуху ни духу. Чем таким важным была занята?

Аня помрачнела, хоть изо всех сил и старалась не показать вида, что чем-то расстроена.

– Да так... – нарочито беспечным голосом отозвалась она в ответ. – Домашние дела...

Митя не заметил фальши в голосе Ани, и они продолжили общение как ни в чём не бывало. Когда они вошли во двор Аниного дома, то Митя аж присвистнул. Двор был вылизан до последней травинки и камушка.

– Ого! У вас, наверное, вся живность теперь строем ходит?

Аня расхохоталась.

– Ну ты тоже скажешь, Митя!

– Ну а чего? Теперь я понимаю, почему тебя несколько дней не было видно.

– Ох! Ещё дров наколоть осталось, – вздохнула Аня и с тоской посмотрела на кучу дров, горкой сваленных у сарая.

– Ну так в чём же дело? – с энтузиазмом отозвался Митя. –

Есть ведь я!

Митя резво скинул сюртук и рубаху, закинув их на верёвки для сушки белья, растянутые от крыши сарая до берёзки в конце двора. Поплевав на ладони, энергично растёр их и взялся за топор. Аня взобралась на перекладыны деревянной лестницы, приставленной к стене сеновала рядом. Умо-стилась на одной из перекладин, как птичка на жердочке, и поглядывала на Митю. Это было поистине красивое зрелище! Митя был рослым и достаточно крепким парнем. Мышцы под кожей ходили ходуном, и кожа, покрытая испариной, переливалась глянцем в лучах заходящего солнца. А когда Аня приносила ему воды и он жадно пил из ковша – серебряная струйка стекала по его подбородку и струилась между подрагивающих рельефных мышц груди. Аня, не скрывая, любовалась.

Пару раз выходила Таисия и искоса поглядывала на ребят. Когда Аня скомандовала окончание работы и предложила Мите поужинать с ними, он отказался. Тогда Аня вынесла несколько пирожков с кружкой молока, и они устроились прямо во дворе на брёвнах. Митя жадно ел пирожки и нахваливал хозяйку. А Аня вдруг почувствовала, что ужасно устала. Будто это она переколола целую гору дров. Какая-то невидимая сила стала дико давить на плечи и словно бы тянула к земле. Она глубоко вздохнула и попыталась расправить плечи. Митя даже перестал жевать.

– Устала? – участливо и настороженно спросил он, загля-

дывая Ане прямо в лицо.

Ане стало смешно, но она не в силах была рассмеяться, хотя слабая улыбка всё же заиграла на её губах.

– Да, Мить, устала я сегодня что-то...

– Ну, всё, – засуетился Митя. – Щас дожую пирожок и пойду. А ты давай домой, хватит с тебя на сегодня работы! Ложись пораньше спать. Работа никуда не денется, она всегда будет, а вот силы у тебя не бесконечные.

Митя поцеловал Аню в щёку. Мягко и бережно... И неожиданно на глаза Ани навернулись слёзы. Её так тронула Митина забота, что перехватило дыхание.

– Анют, ну ты чего? – Митя приобнял Аню за плечи и слегка встряхнул. – Чего ты?

Аня всхлипнула и уткнулась в Митино плечо, заливая его слезами. На крыльцо вышла Таисия. На её лице явно читалось недовольство. Она посмотрела на Митю с Аней и снова скрылась в доме.

– Так, – твёрдо сказал Митя и поднялся, увлекая за собой Аню. – Пойдем, расскажешь мне, что у тебя случилось.

Аня кивнула и покорно пошла с Митей. Они поднялись по приставной деревянной лестнице, на которой недавно восседала Аня, на второй ярус сеновала, где обычно вместе с друзьями и подругами отдыхали от дневной летней жары. Размазывая слёзы по щекам, Аня плюхнулась в колючее облако сухой травы и некоторое время безмолвно вздрагивала от рыданий. Митя терпеливо сидел напротив, теряясь

в догадках, что могло приключиться у девушки. Частично он мог предположить, что они с мачехой, возможно, повздорились, но чтоб так, до слёз... Такого никогда не было, несмотря на крутой нрав обеих, а может и благодаря ему. А плачущей Аню он видел редко. Поэтому беспокойство в Мите всё нарастало, а Аня всё не торопилась начать разговор. Она, понутив голову и шмыгая носом, теребила край домашнего платица. Нежная прядка волос выбилась из общей причёски и повисла, вздрагивая в такт рыданиям хозяйки. Митя протянул руку, чтоб заправить прядку Ане за ухо, и та неожиданно вздрогнула.

– Да что с тобой такое? – уже вконец обеспокоенный воскликнул Митя.

Аня вновь заревела, но на этот раз вслед за слезами последовали причитания. Митя едва мог разобрать, о чём они, но смысл был ему всё же понятен. Сквозь подвывания он слышал, как Аня говорит о том, что чувствует себя бесконечно одинокой и ненужной. Она всем мешает, всем обуза, об неё только спотыкаются и без неё все были бы счастливы. Но она есть, и она не чувствует себя в безопасности. Она знает, что её никому защитить. Все думают, что она большая и сильная, не даст себя в обиду никому и сама кому хочешь наkostenять может, а по факту она – размазня. Она не способна себя защитить! У неё есть только обманчивая оболочка, а внутри – манная каша! И, скорее всего, она понимает, почему так. Она не чувствует никакой поддержки. Никого

нет за её спиной, никого нет рядом. Она будто одна-одинёшенька на холме, открытая всем ветрам и бурям, ей негде укрыться, не за кого спрятаться... Лучше бы она умерла вместе с ма-а-а-мой!

Митя, всё это время сидевший напротив Ани, не выдержал и плюхнулся рядом. Схватил в охапку воющую девчонку и крепко прижал к себе. Ни черта он не понял из её вытья и чувствовал, что единственное, что он может сейчас сделать, – это обнять и успокоить хоть как-то. Он гладил Аню по голове и целовал в макушку. В его больших и сильных объятиях Аня и вправду показалась ему такой, как она о себе сейчас говорила: маленькой, слабой и одинокой.

– Вот ты глупая... – говорил Митя в пахнущую ромашками макушку девушки. – У всех девчонок внутри манная каша! Ну... в смысле, все девчонки слабые. Ты разве не знала? И вообще это не плохо. Если вы будете сильными, кого же мы будем защищать?

Аня глубоко вздохнула, и Митя почувствовал, как её напряженные плечи немного расслабились. Она слегка обмякла и устроилась поудобней, спрятавшись на Митиной груди.

– Ну у тебя и мысли, – в полголоса произнёс Митя. – Отчего?

Аня молчала. Митя тихонько раскачивался, будто убаюкивая, и гладил её по голове. Она постепенно перестала плакать и вздрагивать. Постепенно успокоилась. Так уютно было в Митиных объятиях, так тепло.

– Так расскажешь, что произошло-то? Отчего такие мысли? – снова спросил Митя.

Аня выдохнула и, словно собравшись с силами, едва заметно кивнула. Она отстранилась от Мити, шмыгнула носом, провела ладонями по голове, пригладив волосы, снова прерывисто вздохнула и рассказала про случай с Аркадием Степановичем. Она говорила, а взгляд её бродил по мелким цветочкам на подоле платья, который она разглаживала ладонями на своих коленях. Поэтому не могла видеть, как меняется выражение лица Мити, и когда он размахнулся кулаком и поднял в воздух целый ворох сена, она вздрогнула и вскинула на него испуганные глаза.

– Вот ведь гад! – сквозь зубы, зло и тихо процедил Митя. Ноздри его нервно подрагивали, пропуская в нос большое количество воздуха, и желваки напряжённо перекатывались под кожей скул. – Попадись он мне теперь... Живым не отпущу.

Таким разозлённым Аня ещё не видела Митю. Даже мальчишечьи потасовки, коим случалось Ане быть свидетельницей, не вызывали в парне столько гнева и злости. Там скорее был азарт. Но тут словно был другой Митя. Аня перепугалась не на шутку.

– Мить, ты что такое говоришь. Даже думать не смей! Ещё не хватало! Найдём мы на него управу. Зачем грех на душу брать? – залепетала она, глядя, как сверкают в полумраке сеновала глаза Мити и сжимаются его кулаки. – Зря я тебе

всё рассказала.

Аня поникла, чувствуя, что сделала большую ошибку. Митя молод и горяч. На что она рассчитывала, рассказывая о том, что кто-то посмел обидеть его любимую девушку, да ещё таким способом? Что Митя скажет «ай-яй-яй, как нехорошо!» и поплачет вместе с ней?! Вот дурочка! На ресницах снова повисли капельки слёз.

Митя увидел это и, чертыхнувшись, стал извиняться и вытирать слезинки со щёк Ани. Конечно, он не станет никого убивать, и голова на плечах у него есть, но этого зверя нужно проучить. Митя подумает, как это сделать. Аня кивала головой и улыбалась заверениям Мити о том, что тот никому не позволит обижать её. Она доверчиво утопала в тепле его рук и ловила губами его щёки и мягкие губы. Они ещё какое-то время сидели, обнявшись, погруженные каждый в свои грёзы. Тёплые сентябрьские сумерки вошли в просторный сеновал и сиренево опустились на плечи двух влюблённых, навеки объединяя их одной тайной на двоих.

Начал накрапывать мелкий противный дождик. Ненавижу такую погоду. Вся эта серость и слякоть угнетают моё и без того не всегда отменное настроение ещё больше. Ещё эти дурацкие босоножки на шпильках, будь они неладны, скользят по брусчатке и застревают в щелях плитки. В обеих моих руках пакеты с продуктами, и тут ещё телефон звонит в сумочке, не переставая. Я мелкими шагами, балансируя на шпильках, с пакетами в руках пытаюсь быстро добежать до машины, припаркованной недалеко от магазина. Телефон не замолкает, и я все-таки решаюсь достать его из сумочки, поражаясь чьей-то настойчивости. Хотя и предполагаю, кто это может быть. Я перекидываю пакет из одной руки во вторую и пытаюсь достать телефон, как вдруг ручка одного пакета рвется и то, что было сверху, падает аккуратно в лужу возле колёс моего автомобиля. Обречённо и от всей души выругавшись, открываю машину, закидываю всё на заднее сиденье, себя закидываю на сиденье водителя, выдыхаю, и, наконец, опускаю взгляд на экран телефона. Да. Так и есть. Это моя мама.

— Ты где? — раздраженный голос мамы в трубке, отчего моё возмущение залпом взрывается в голове.

Я скрипнула зубами. Капельки воды стекали по моему лбу и щекам, щекоча кожу.

– И тебе здравствуй, мама, – не скрывая истинных в этот момент чувств, ответила я.

– Я тебе звоню-звоню, а ты даже трубку взять не соизволила! Совсем с матерью разговаривать не хочешь?

– А тебе совсем не приходит в голову, что я могу быть занята? – я откровенно повысила голос.

– Занята? – да, я не ослышалась, в голосе матери сар-

казм. – Чем ты там можешь быть занята?! Рабочий день уже давно закончился...

– Говори, что тебе нужно! – перебила её я.

В трубке повисло молчание.

– Ничего мне не нужно, – и гудки.

Я опустила руку с телефоном на колени, и какая-то дикая вселенская усталость опустилась мне на плечи. Откинув голову на подголовник кресла, я закрыла глаза, чтобы слёзы не полились из глаз. Я с детства ненавижу плакать...

Резкий звонок и вибрация в ладони от телефона заставили меня вздрогнуть. Это снова была она.

– Я хотела сказать, что у меня закончилась картошка.

И снова отбой.

Слёзы сильнее защипали глаза, но не пролились. Я устала... Я ужасно устала. Я просто дико устала за эти последние несколько лет! От всего и особенно от всех, начиная с мамы и заканчивая моей собственной младшей дочерью! Они все словно рвут меня на части. Всем от меня что-то нужно, всем я должна и обязана!... Да, кстати! Слёзы в глазах мгновенно высохли, потому что я вспомнила, что должна завезти заболевшей сметнице проект, чтоб она поработала дома.

Я провела ладонями по щекам, слегка похлопала их и, глянув на себя в зеркало заднего вида, пригладила волосы. Из зеркала на меня смотрела молодая пока ещё женщина с покрасневшими и слегка припухшими глазами и короткой стрижкой. Я отвела взгляд и вывернула со стоянки в сторону

дома.

Я всё сделала быстро и чётко. Впрочем, как и всегда. Пока я месила тесто на пирог, в микроволновке размораживалась заготовка для пирога из фарша, лука и картошки. Я всегда делаю такие заготовки, чтобы на ужин можно было приготовить что-то быстрое и вкусное. Потому что не хочется, прибегая с работы, варить макароны или магазинные пельмени, как это делают многие из моих знакомых. Нет, у меня, конечно, бывают пельмени иногда, но я их всегда леплю сама, раз в месяц в одну из суббот, и замораживаю. А сейчас у меня будет на ужин пирог.

Я поставила его в духовку, включила таймер, оставила на столе записку «На ужин пирог. Достаньте из духовки. Скоро буду» и вышла из квартиры. По времени у меня всё рассчитано. Старший сын на тренировках и после них поедет к бабушке за сестрой, а муж приходит с работы ещё позже, так что когда семейство моё придет домой, пирог уже будет готов, духовка выключится сама.

Сметчица Лиля жила недалеко от меня, поэтому я не стала брать машину, а пошла пешком. Дома я переоделась в свои любимые джинсы и водолазку, а кроссовки после дня на шпильках мне казались невесомыми и летучими, словно сандалии Меркурия. Да-да, мы хоть и были проектной организацией и творческим отделом, но офисный дресс-код у нас присутствовал. Поэтому каждое утро мне приходилось влезать в нелюбимые мной с детства юбки, платья и туфли.

А вот муж радовался. Ему с годами всё больше нравились все эти девчачьи атрибуты на мне, в которых было ужасно неудобно. Ну разве удобно на шпильках и в юбке ездить в автомобиле? Нет конечно! А бегать так вообще нереально! Когда дети были маленькими, так я и подавно из брюк не вылезала. Вот милое дело: сел, как тебе удобно, бегаешь, с горки катаешься, на качелях. И не переживаешь, что юбка на голове окажется. Да и передвигаться я привыкла быстро, чего делать в платье и на каблуках крайне неудобно.

Я достаточно быстро дошла до дома Лили и, поднявшись к ней, позвонила в дверь. Тишина. Я позвонила снова и прислушалась, наклонив голову к железной поверхности двери. Через некоторое время послышался приглушенный звук шаркающей по полу обуви. Лязгнул замок, и в раскрывшемся проёме появилось закутанное в одеяло маленькое существо с красным носом и заспанными припухшими глазами, отдалённо похожее на сметчицу Лилю.

– Ой, Тань, – прохрипела Лиля. – Я совсем забыла, что просила тебя приехать... Прости... Пойдём.

Лиля махнула вынырнувшей из складок одеяла рукой, приглашая меня следовать за ней, и, развернувшись, двинулась по полутёмному коридору в сторону светлых комнат. Я вошла в квартиру и прикрыла дверь. Замок щелкнул. Скинув кроссовки, я двинулась следом за шаркающей Лилиной фигурой, спотыкаясь в полутьме прихожей об обувь и тихонько ойкая.

– Не обращай внимания, – не оглядываясь на меня, еле слышно сказала Лиля. – У меня бардак.

– Да ничего страшного, – ответила я, стараясь не особо оглядываться вокруг.

В полутьме прихожей бардака я особо не разглядела, а в комнате, куда мы вошли с Лилей, было достаточно чисто и светло. Это была, по всей видимости, общая комната квартиры, где стоял рабочий стол с компьютером. На большом диване лежала смятая подушка, на которую была надетая наволочка с таким же рисунком, как и одеяло на Лиле. На полу расстелился большой светлых тонов ковер с густым плотным и мягким ворсом, в котором приятно утонули мои голые ступни. Комнату дополнял орехового цвета изящный, но не громоздкий мебельный гарнитур и большой телевизор с плоским экраном. На светлых стенах в стильных темно-коричневых рамках были развешаны фотографии. Приглядевшись, я сразу поняла, что это были фото из путешествий. С фотографий на меня смотрели улыбающиеся и счастливые лица Лили, высокого бородатого дядьки, видимо, мужа, и двух забавных пацанов, похожих друг на друга как две капли воды, возрастом не больше десяти лет.

– У тебя близнецы?! – удивлённо воскликнула я и, отвернув голову от фотографий, посмотрела на Лилю.

Та уже уселась за рабочий стол и включила компьютер.

– Ага, – отозвалась она.

– Я даже не знала, – произнесла я каким-то извиняющимся-

ся тоном, потому что работали мы вместе уже достаточно продолжительное время, но подробностей о жизни Лили было мало.

– Да ладно, – Лили по-доброму хмыкнула из одеяла. – Не грузись. Давай флешку!

– А, да, точно! – спохватилась я и, достав флешку из кармана джинсов, протянула Лиле.

Пока она скидывала файлы себе на компьютер, я рассматривала фото. Лили была немного старше меня, но, видимо из-за небольшого роста, смотрелась совсем девчонкой. А на фоне брутального мужа и озорных сыновей и подавно. Мы не были с ней близко знакомы. Так, коллеги. Сидим в разных кабинетах. Даже по работе общаемся редко. Но в нечастом общении она всегда приятна и открыта. Она была светловолосая и щуплая с курносым носом, который был словно ярко-оранжевой краской обрызган веснушками. Сейчас же её негустые и потускневшие волосы грустно свисали со лба и редкими сосульками обрамляли овал лица. Но зато веснушки на побледневшем лице выделялись ещё ярче.

Внутри меня шевельнулось беспокойство.

– Лиль, – негромко и осторожно обратилась я к ней. – А может, тебе к врачу нужно сходить?

– Ай, – отмахнулась Лилия. – Толку от них... Мне просто захотелось поболеть, и я болею.

Она захихикала, но тут же поперхнулась и закашлялась.

– Всё, – прокашлявшись, сказала она и встала из-за стола. – Пойдём чай попьем.

– Да не, Лиль, я, наверное, пойду! – запротестовала я. – Неудобно как-то, ты ж болеешь.

– Не бойся, я уже не заразная. И мне не трудно, а даже надо. Пойдём. Флешку сразу убери, чтоб не забыла.

Лиля протянула мне флешку, а сама стянула с себя одеяло и кинула на диван, оставшись в пижаме. На мягкой фланелевой ткани пижамы весело выплясывали мятые мишки. Я не смогла сдержать улыбку и поплелась за ними на кухню.

Кухня была тесновата. Здесь умещался небольшой кухонный гарнитур, большой холодильник и квадратный стол, приставленный одной стороной к стене. Четыре табуретки прятались под ним. Я выдвинула одну из них и примостилась в уголке стола так, чтобы видеть Лилю и всю кухню.

– Ты любишь облепиховый чай? – просила Лиля, ополаскивая под струёй воды в раковине стеклянный прозрачный заварочный чайничек.

– Не знаю, – растерянно ответила ей я. – Я не пробовала такой заваривать. Если угостишь, то буду.

– Очень полезный и вкусный, – улыбнулась Лиля и глянула на меня. – Тебе понравится.

– Ой, слушай! – вдруг спохватилась я, вспомнив о том, что время уже вечернее. – Сейчас же, наверное, твой муж с работы придёт? А мальчишки где? Может, я всё-таки пойду, а? А то неудобно как-то...

– Да не придёт никто, – ответила Лиля и заколдовала над заварником. – В деревню все к свекрови уехали. У мужа отпуск, а детей свекровь любит к себе на каникулы забирать. Я не против. В деревне хорошо, пацаны хоть от города и телека с компьютером отдохнут. А то на улицу не выгонишь.

– Это верно, – усмехнулась я. – Знакомо. А как же они тебя оставили в таком состоянии?

– Так они и не знали! – ответила Лиля и со звяканьем поставила на стол такие же стеклянные и прозрачные чашки с блюдцами, как и чайничек. – Я уже после их отъезда разболелась. Да я хоть от них ото всех отдохну! Это так нечасто бывает.

Лиля поставила чайничек на стол и сама присела на табуретку рядом. В чайничке заколыхалась приятного оранжевого цвета жидкость с плавающими ягодками облепихи, листиками мяты и кружочками лайма.

– А я люблю оставаться одна, – улыбаясь продолжила Лиля, глядя на чайничек. – Есть в этом особая приятность. И я люблю это одиночество. Знаешь почему?

– Почему? – по инерции спросила я.

– Потому что оно временное! Давай пить чай.

Лиля разлила по чашкам ароматную жидкость, и я прямо-таки не пожалела, что осталась. Мы поболтали о разном, о семьях, о детях. Лиля оказалась очень интересным собеседником и весёлой женщиной. Горячий облепиховый чай оранжевым и ароматным теплом разливался внутри меня,

и мне даже показалось, что моя хроническая усталость отступила. Я расслабилась и физически, и эмоционально, когда мы с Лилей рассказывали друг другу истории из жизни и смеялись над проказами и проделками детей. Время будто приостановилось, давая мне возможность немного перезагрузиться. Лиля заряжала какой-то непонятной мне энергией и позитивом и, когда я уже стала чувствовать, что тиски напряжения совсем ослабли, на мой телефон стали сыпаться сообщения. Телефон завибрировал в заднем кармане джинсов, возвращая меня в реальный мир. Я словно опомнилась и, достав телефон, уставилась на экран. Это были сообщения от дочери. Будто чьи-то крепкие и холодные пальцы сжали моё горло.

В последнее время отношения у нас с ней не ладились. Можно было конечно всё списать на переходный возраст, если бы она не вела себя в точности, как моя мама. А это уже очень похоже на формирование характера, а не издержки переходного этапа взросления. Я с подругами часто смеялась над тем, что меня муж так не контролирует, как мама. Где я, с кем, как долго, что я там делаю и зачем – маме нужен был полный отчет. Каждый её звонок мне начинался с одной и той же фразы: «Ты где?» Если я где-то на вечеринке с коллегами или в кафе с подругами, то девочкам звонят и пишут сообщения обычно мужья, а мне – мама. Раньше я над этим только шутила. Часто просто не брала трубку и не отвечала на сообщения после того, как один раз отвечу.

Но стало не до шуток, когда в компанию моей мамы добавилась ещё и дочь. Тут уж стало совсем не смешно. Если мама не могла дозвониться до меня, то она сразу же звонила моей дочери. И я получала двойной прессинг. А теперь уже Катя и сама без «помощи» бабушки не даёт мне шагу ступить. Сообщения сыпались одно за другим, и я разозлилась.

– Что тебе нужно? – еле сдерживая себя, проговорила я в трубку.

– Чтобы ты была дома! – не стесняясь своих эмоций, крикнула мне в ухо моя одиннадцатилетняя дочь.

– Ты за тоном следи! – сказала я, уже повысив голос. – Ты с матерью разговариваешь, а не с подружкой!

– А ты ведёшь себя не как мать!!! – сорвавшись на истерику, заорала в трубку Катя. – Что ты за мать такая? Где ты шляешься?

Я чуть не задохнулась от таких слов и нажала отбой звонка. Напротив себя я увидела круглые удивлённые глаза Лили. Она застыла с кружкой возле рта. Лиля моргнула и сделала глоток.

– Извини, – упавшим голосом произнесла я.

– Да ничего... – ответила Лиля спокойным голосом. – Это кто? Дочь?

Я кивнула. Мне было ужасно стыдно перед Лилей и за дочь, и за себя. Мне бы вскочить и убежать или, лучше всего, провалиться сквозь землю, но усталость с новой силой навалилась на меня и буквально пригвоздила к табурет-

ке. Руки задрожали. Лиля крепко взяла меня за руку, словно стараясь унять эту дурацкую дрожь.

– Может, чего-нибудь покрепче налить? – спросила она.

– Нет, что ты? – ответила я и даже испугалась. – Я пойду, хорошо?

– Ну, смотри... – сказала Лиля и кивнула.

Уже возле выхода она сказала мне:

– Спасибо за то, что зашла... И... Если тебе нужно будет поговорить с кем-нибудь, то не стесняйся, приходи.

Я еле успела выскочить из квартиры Лили, потому что слёзы буквально кипели в глазах. Душили злость и обида. И жалость к себе. Ведь я правда даже не могла ни с кем ни поговорить по душам, ни пожаловаться! Подруг у меня толком не было, а друзья детства уже выросли во взрослых дядек и вряд ли поняли бы меня, если б я тут начала перед ними нюни распускать... Я никогда не позволяла себе слабостей, тем более слёз не только перед ними, но и перед самой собой. Надо взять себя в руки, а то что-то совсем расквасилась. Хорошо ещё, что хоть с мужем у меня было взаимопонимание. Он никогда не ограничивал мою свободу и всегда был на моей стороне. Я всегда чувствовала его поддержку практически во всех вопросах. Он часто меня даже от моей же собственной мамы защищал. Мы были с ним отличной командой.

Мысли о муже и его защите придали мне сил, и душившие меня слёзы отступили. Домой я зашла уже совсем успо-

коившись. Всё семейство моё было дома. Муж встретил меня на пороге, поцеловал и ушёл обратно в зал смотреть новости. А я первым делом прошла в комнату Кати и отчитала её за звонок. Катя, надувшись, сидела в кресле с телефоном и произнесла только одну фразу по окончании моей тирады.

– Мама, прости меня. Я больше не буду, – пробурчала она, не поднимая на меня глаз.

Я не ответила ей. Вышла из комнаты и закрыла дверь за собой.

– Что у вас там случилось? – поинтересовался муж, когда я присела рядом с ним на диван.

– Да, блин, ещё одна моя мама... – ответила я. – Совсем совесть потеряла, сопля зелёная...

И я рассказала ему о том, где была и что произошло. Он выслушал, приобнял меня за плечи и, поцеловав над ухом, сказал:

– Не злись. Я поговорю с ней, – и, улыбнувшись, добавил: – И не сопля она зелёная, а дочь твоя.

Я дернула плечом, чтобы сбросить его руку, и буркнула:

– Сопля зелёная...

И ушла в ванную.

Я довольно долго простояла под теплыми струями душа, мысленно пытаюсь смыть с себя тяжесть мыслей и событий последних дней, а когда вышла, то дети и муж уже были по своим комнатам. Я заглянула в комнату сына. Он ещё не спал и при свете ночника, лёжа в кровати, читал книгу.

Мы, как обычно, обменялись пожеланиями спокойной ночи. А заглянув в комнату дочери, я увидела, что она уже спит, и не стала к ней подходить и целовать. Муж тоже лежал в кровати. Его лицо освещал экран телефона.

– Чего не спишь? – буркнула я, забираясь под одеяло.

– Да всё времени нет разобраться в нём, – ответил он. – Тут куча разных функций, а я о них даже не знаю. Всё руки никак не дойдут покопаться.

Недавно мы с сыном скинулись деньгами и подарили ему на день рождения новый смартфон. Но из-за сильной занятости муж всё никак не мог спокойно сесть и разобраться что там и к чему, какие в нём есть программы, приложения и для чего они. Сын пару раз уже посмеялся над отцом и назвал его лохматой древностью, за что чуть не схлопотал назидательного подзатыльника. Хотя вряд ли бы схлопотал. Сын был уже взрослым девятнадцатилетним парнем, учился в университете и, играя в хоккейной сборной на контрактной основе, зарабатывал свои собственные деньги.

– Хватит копаться, спи давай.

– Да... Сейчас.

Я повернулась к мужу спиной и, закутавшись в одеяло, закрыла глаза.

Но сон не шёл. Мысли тоненькой струйкой сквозь дрожащие ресницы заползали в голову, пока не превратились в целую лавину. Что происходит в моей жизни? Что происходит со мной? С моей мамой? С моей дочерью? Что я де-

лаю не так? Я плохая дочь? Но какой надо быть? Я и так стараюсь! В детстве жила у бабушки и не докучала родителям, а после их развода им и вовсе никто не мешал устраивать свои личные жизни. Мной полностью занимались бабушка с дедом. Жизнь у мамы с другими мужчинами так и не сложилась, и когда уже я вышла замуж и ушла жить отдельно, мама переехала к родителям. Поначалу мы с мужем как могли помогали им, даже несмотря на то, что часто сами были на мели по причине того, что, развивая свой бизнес, муж часто терпел неудачи. Уже тогда я внутренне злилась на маму из-за её ссор со своими родителями и старалась нечасто появляться в их доме, хоть и скучала за стариками. Но когда их не стало, мама полностью переключилась на меня. Её постоянная критика меня, моего мужа и детей доводила меня до белого каления, но, жалея её, я не позволяла себе высказываться. Мы по-прежнему помогали ей, даже больше, потому что бизнес окреп и жизнь наладилась. Что я делаю не так? Я звоню ей каждый день. Раз в год возим её на курорты. Оплачиваем ей разные лечения. Раз в неделю я прихожу к ней убирать в её квартире. Пару раз в неделю приезжаю, готовлю кушать и пакетами замораживаю приготовленные мной котлеты и пельмени. Я выслушиваю все её жалобы, все претензии. Я стараюсь не высказывать своё недовольство, даже если всё внутри меня кипит! Что не так? Иногда мне начинает казаться, что я её ненавижу. Воспоминания о том, как мне не хватало её присутствия в детстве,

как мне не хватало и не хватает сейчас её слов одобрения и любви накрывают всё чаще. И обида за её неблагодарность душит всё сильнее. А то, что она ещё и дочь мою втягивает в наши с ней отношения, я вообще простить не могу. Теперь ещё и с дочерью я ругаюсь.

Я тяжело вздохнула и натянула одеяло до ушей, закутавшись поильнее, будто это могло защитить меня от нашествия плохих мыслей.

Я, наверное, плохая мать... Хотя ведь с сыном же у меня вообще проблем нет и никогда не было. Это самый послушный, самый отзывчивый и самый аккуратный мальчик. Я хорошо его воспитала. В его комнате всегда чистота, в шкафах и вещах порядок. Он всегда мне помогает. И вообще, мы с ним друзья. Значит, я хорошая мать! Да, я хорошая! И мать, и жена, и хозяйка, и деньги я зарабатываю. Я всё могу, и я всегда всё успеваю. У меня дома чистота, у меня дома всегда вкусная еда, я всегда хорошо выгляжу. И мой муж гордится мной.

Мысль о муже немного согрела меня. Я снова вздохнула и повернулась к нему.

– Андрей... – позвала было я, но осеклась.

Он спал, тихо и размеренно посапывая. Телефон на его груди поднимался и опускался. Уснул и, наверное, опять не доразбирался. Лохматая древность... Я улыбнулась и, приподнявшись, взяла в руки его телефон. Я потянулась через спящего мужа, чтобы положить телефон на тумбоч-

ку, как он беззвучно свибрировал, и экран вспыхнул приглушённым светом. Я машинально повернула экран к себе. На экране всплыло сообщение от какой-то Алёны «Сладких снов, Андрюша».

В груди будто что-то мягко лопнуло и тепло растеклось у горла. Я тупо смотрела на странные слова, пока экран не погас, после чего, дотянувшись до тумбочки, мягко и медленно, будто телефон лип к ладони, опустила его на гладкую деревянную поверхность.

И ещё долго я лежала с открытыми, смотрящими в темноту и пустоту глазами. Нет, мне не хотелось больше думать. В голове не вертелась прочитанная фраза. Просто моя жизнь будто остановилась. И сердце остановилось вместе с ней...

Когда в следующий раз появился Аркадий Степанович, деревья окрасились в золотые и пурпурные цвета. Колхоз всю собирал урожай, и почти всё мужское население, особенно молодёжь, уехали в полевые бригады на уборку. Аня отработала смену в саду, и когда колхозный грузовик довёз женщин до обычного места сбора и высадки в начале улицы, автомобиль городского начальника она увидела ещё издали. Не возле их дома, а как-то в сторонке, скрытый густым кустарником и раскидистыми ветвями берёз, растущих у дороги, автомобиль притаился, словно зверь в засаде. В последнее время он всегда останавливался где-нибудь в стороне или вообще возле конторы, а Аркадий Степанович до их дома добирался пешком. Наверное, в надежде, что никто ничего не увидит и ни о чём не догадается. Так думала Аня. И думала, что это глупо делать, потому что у людей глаза есть и есть языки, причём острые, и разговоры так и так велись. Всё равно все видели, куда ходит Аркадий Степанович.

Аня зашла домой и ещё в сенях услышала громкий и залиvistый смех мачехи внутри дома. Таисия явно была счастлива. Аркадий Степанович стал реже появляться, поэтому Таисия чаще была мрачной. И теперь в каждый редкий приезд мужчины включала всё своё обаяние, любезность и кокетство. Наготове держала сбор из трав, которые заварива-

ла в чай и которые особенно нравились, как он сам говорил, Аркадию Степановичу, чтобы угощать дорогого гостя.

Вот и сейчас Аня увидела счастливую Таисию, щёки которой щедро заливал румянец: то ли от разговоров, то ли от выпитого самогона. Бутылка со слегка мутноватой жидкостью стояла посреди стола в окружении разносолов и приготовленной еды. Возле обоих стояли наполненные стопочки. Это было в первый раз. Обычно, если Аркадий Степанович не отказывался от ужина, то он заканчивался чаем с чем-нибудь вкусным, привезённым гостем из города. Но, видимо, теперь был особый случай.

– Что отмечаем? – настороженно спросила Аня, стянув с головы косынку и повесив её на гвоздик у дверей, где обычно у них висела верхняя одежда.

– Пойдем за стол, дочка! – звонко воскликнула Таисия, и в её голосе зазвучали певучие нотки. – Нам действительно есть что отметить!

Аня села на свободный стул за столом напротив Аркадия Степановича. Таисия щебетала и накладывала в Анину чашку картошку и квашеную капусту с бусинками клюквы.

– Так, выпить я тебе не наливаю, мала ещё! – смех Таисии переливался колокольчиками. – А вот мы с Аркадием Степановичем выпьем!

Аня подняла глаза на гостя и посмотрела на него. Аркадий Степанович был в белой рубашке и светло-бежевом костюме, куртка от которого висел на спинке стула поза-

ди мужчины. Рукава рубашки он закатил, обнажив до локтя большие и довольно мускулистые для городского начальника, который в общем-то мало занимался физической деятельностью, руки. Ворот рубашки был расстегнут чуть больше, чем это было бы приличным, как показалось Ане. Щёки его так же, как и у Таисии, покраснелись, а всегда аккуратно уложенные русые волосы потеряли свой прилизанный вид и лихо кудрявились, спадая на лоб. Когда Аня взглядом добралась до лица Аркадия Степановича, то увидела, что тот в упор смотрит на неё. Рот его не улыбался, но глаза лучились задорной и какой-то даже искренней улыбкой. Не было в его синем взгляде обычной стали, холода и сдержанности. Но была эта неприятная Ане липкость и... торжество? Или Ане показалось? Она нахмурилась и, опустив взгляд в тарелку, зачерпнула ложкой капусту.

– Аня! – обратилась Таисия к падчерице и развернулась к ней чуть ли не всем телом. – Мы с Аркадием Степановичем должны тебе кое-что сообщить!

Аня перестала жевать.

– Угу... мы значит, – уточнила Аня и кивнула.

Сердце в груди на миг замерло и медленно запульсировало в рёбра.

– Да! Мы! – Таисия широко и счастливо улыбнулась и посмотрела на Аркадия Степановича.

Он как-то странно усмехнулся и кивнул, одарив Аню долгим взглядом.

– Аня. Я сделал твоей маме предложение, и она согласилась выйти за меня замуж.

В ту же секунду предчувствие чего-то плохого прокралось в душу Ани. Она поджала губы и молча продолжила кушать. Наступила неловкая пауза.

– Вот, – неуверенно подала голос Таисия. – Поэтому, Аня, планы у нас будут такие: жить мы поедem к Аркадию Степановичу, у него в городе большая служебная квартира, так что места нам всем там хватит. На следующий год ты пойдешь учиться, а пока устроишься работать на фабрику. На фабрике, конечно, можно попросить общежитие, но Аркадий Степанович очень любезно настаивает, чтобы ты жила с нами и ни в чём не нуждалась.

Таисия влюблёнными влажными глазами посмотрела на Аркадия Степановича и взяла его за руку. Он в ответ сжал её ладонь и кивнул, не отрывая глаз от уткнувшейся в тарелку Ани.

– Вы уже всё решили даже? – негромко спросила Аня.

– Да! А что тут решать?

– А если я не хочу?

Улыбка медленно сползла с лица Таисии.

– Не начинай.

– Да я не начинаю, – ответила Аня и, слегка дернув плечом, уставилась на Таисию. Отложила ложку и спрятала руки между коленей. Сжалась, словно собиралась стать маленькой и незаметной для сложившейся ситуации. Авось, пронесёт. –

Просто вы так здорово всё решили за меня и даже мнения моего не спросили... Будто я скотина безмозглая.

– Что у тебя за слова такие?! – возмутилась Таисия. – И что тебя спрашивать? Не здесь же тебе оставаться! Одной.

– А почему нет? Выйду замуж за Митю и будем жить поживать да добра наживать, как в сказках.

– Что-о-о? – Таисия аж с места привстала. – Чего удумала-то? Какой ещё Митя?! Много ты с ним добра-то наживёшь! Голь перекатная!

– Не называй его так. Он добрый, чуткий и работающий...

– Ты это брось! Мы уже не раз с тобой об этом говорили! Умная девка, такие возможности открываются, жить в городе, выучиться, а она в навоз лезет!

– Да лучше я в навозе жить буду, чем с этим!.. – звонко воскликнула Аня и не договорила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.